

ПОЛЕМИКА

16 МАРТ 1983

ЕСЛИ БЕЗ СУЕТЫ...

А. КОЛОМИЕЦ

ПРОДОЛЖАЯ начатую дискуссию о современной драматургии, хочу поделиться с читателями своими мыслями.

Появление на свет нового альманаха, несомненно, оживило драматургию. Пьесы, публикуются в «Современной драматургии», отличаются острой, точным видением проблем современной жизни, наконец, достаточно высоким профессиональным уровнем. И что особенно приятно — критика в альманахе непреприятна, свободна от дипломатических умолчаний, как и полагается истинной критике. (Как говорится, если соль потеряет силу, чем сделаешь ее соленою?) И, как я понимаю, на волне этой новой критики, точнее, на самом пленном гребне ее и появилась статья Л. Аннинского «Посмотрим, кто пришел», в которой скрыт (по выражению Н. Велеховой) «занал настоящей дискуссии».

Спору нет, пишет Л. Аннинский живо, интересно, разрушая старую, давно всем набившую оскомину форму «старушечьей» критики вроде «...надо отметить, но вместе с тем...». Критика должна и может быть художественной, и, кажется, Л. Аннинский это доказал. Хотя и здесь (как на пути всего нового) таится опасность: излишняя экзальтация всегда заносит немного в сторону, мешает объективному анализу. Впрочем, это дело поправимое: главное — отвергнуть тягучий, «резиновый» ритм критических «кирпичей». Разговор пошел в живой, открытой форме. Приводимые критиком примеры модернизованных реминисценций из Достоевского, Чехова, Антониони в пьесах наших молодых драматургов примечательны и весьма остроумны. Но вот что любопытно (здесь я позволю себе несколько отклониться от первоначальной темы): патос статьи Л. Аннинского во многом направлен против снобизма, против «жестокой, насмешливой, гонки, борьбы престижей, тяжбы больных самолюбий».

Но почему же тогда вся статья, по существу, свелась к «боевой четверке» — «Серебряному шнурку», «Петро», «Смотрите, кто пришел!» и «Пяти углам?»? Нет ужто именно в этих пьесах скрыты коренные конфликты нашего времени? Тут надо разобраться.

Обратите внимание, что Казанцев, Галин, Аро и Коковкин — все четверо сосредоточиваются на проблемах, прямо скажем, узкаватых для общенациональной драматургии. Тысячу раз права И. Вишневская: нельзя изымать что-то одно «из целостного живого движения» народа, его драматургии. От себя скажу: не только нельзя, но и вредно. История тому свидетельница. Действительно, почему, собственно, автор статьи «Посмотрим, кто пришел» из всей современной драматургии выбрал «горожан», причем не просто горожан, а «столичных, так сказать». «Так сказать», надо понимать, означает, что не всех столичных, а определенную их часть, особый слой. Конфликты эти имеют право на драматическое исследование. Но не только здесь «возрождение». Рвутся на сцену и коллизии из гущи народной, утверждающей другие ценности.

Давайте еще раз посмотрим, о чем идет речь в пьесах названных авторов. «Парикмахер покупает дачу у научного работника. Дача, собственно, жены, и даже не жены, а ее дяди, но дядя умер». Интересно? Только, согласитесь, интерес этот не совсем здоровый, он напоминает интерес публики к скандальным историям. Другой пример (привожу читателю из статьи Л. Аннинского): «Не жалко только молодого негодяя, который эту идиотическую, унизительную ситуацию подстроил. Он (речь идет об одном из основных героев пьесы Галина «Петро», муже Людмилы) вообще воспринимается как функция: нужен, чтобы состоялся сюжет. На случай серьезного спроса автор имеет нравоучительный ответ: не будьте черствы к старикам! Ладно, запишем и эту мораль в наш кодекс».

Здесь критик сам (может быть, нечаянно, а может быть, и нет) несколько абсолютизирует принципы пропагандируемой им драматургии. Отнюдь не только «дачные» вопросы волнуют сейчас наш народ. Служение человека обществу — центр проблем, которые сейчас реализуются в делах и в слове — оно тоже дело. Получается парадокс — пьесы, направленные против снобизма эмээнсов перед парикмахерами, сами иногда отдают снобизмом по отношению к запросам и интересам широкого — и очень разностороннего! — зрителя. Провинция сейчас совсем не та, какой была, скажем, лет десять назад. И дело даже не в уровне образования. Люди простые (без ученых степеней), как правило, читают и смотрят «медленно», «без суеты, без сокращения дороги», глубоко и пристрастно оценивают то или иной спектакль. Почему я так застrelloю на этом внимание? Наверно, потому, что искусство, глубокое и уходящее в глубину национальные корни, только в этом случае может стать по-настоящему интернациональным, получить международное признание. Чехов и Горький думали и писали о России, выводили наши национальные проблемы (кстати сказать, некоторые из них остались и по сию пору), теперь их читают и смотрят весь мир, преклоняясь перед силой их таланта. Некоторые же кумиры «новой волны» будто заметили И. Вишневскую, «они знают не только жизнь вообщем, сколько конкретную жизнь театра, знают не только эпоху, сколько узости истистические ложературы, тех или иных театральных коллективов». Верно: ни к чему «раздуть» моду, надо отражать жизнь во всей ее полноте. И, здесь, абсолютно прав А. Мишарин («ЛГ», № 7) абсолютно прав, что на

вечные вопросы нужны сегодняшние ответы, что «сегодняшние ответы лежат в наших соотношениях с классикой». Но самое главное в том, что «пока молчит сердце, театра не существует. И никакая интеллектуальная эпика не... в силах заместить недостаток прямого и простодушного контакта сцены и зала, когда вспыхивают искры любви, правды, гражданской совести... объединяющие зрителя в одну душу, в один порыв» (Е. Сидоров, «ЛГ», № 3). Добавлю от себя: всех зрителей, как столичных, так и периферийных, в идеале — весь народ в целом.

Конечно, идеалы не должны «полыхать со сцены заревом и быть в глаза зрителю залу». Но идеалы должны быть,

ДРАМАТИКИЯ

80-х:

ПРОБЛЕМЫ

И ПОИСКИ

быть во всем, начиная с мелочей. Необходимо, чтобы драма рождала мысль, положительную идею, даже если она написана в сатирической форме. Классический пример — «Ревизор». Не говоря уж о том, что пьеса эта одно из высших достижений мировой драматургии, яркий пример патриотизма и гражданского мужества. В иных же пьесах только и делается, что «продаются дачи, совершаются браки немолодых невест с молодыми женихами (или другие мезальяны), возмущаются потерявшие себя женщины и умирают писатели».

Мне же кажется, что драматургия (в том числе и современная) предназначена рождать такие мысли, чтобы их мог «взять» не только тот, кто дачу и прочее имеет (согласиться с тем, что этим теперь никто не удивишь — все всё имеют, — я не могу; все всё никогда не имеют), но и простой человек, именно «простой», а не «маленький» — понятия совершенно разные.

Заявление Л. Аннинского о том, что «лучшие пьесы пишут вчерашие актеры», звучит, мягко говоря, излишне категорично. Какие «лучшие», может наверняка сказать только один судья — время. Правильно пишет К. Щербаков («ЛГ», № 5), что у молодых (или, скажем так, новых) драматургов по одной-две пьесы успело дождаться сценической реализации, а их уже «увлекенно соединяют и разъединяют, умножают и делают». Но не надо забывать, уважаемые товарищи, цыплят-то по осени считают. А пока среди современных пьес, к сожалению, еще слишком большая «детская смертность». Стоит появиться на нашем драматургическом небосклоне какой-нибудь новой звезде, как «астрономы» вокруг разом начинают предсказывать ей блестящее будущее, вплоть до того, что она вскоре станет новым солнцем. А пройдет год, другой, и нет уже той звезды — погасла. А тем временем на подмостках театров идут пьесы Штейна, Розова, Арбузова, Алешина, Друца, М. Зарудного, других наших драматургов старшего поколения. При всем этом трудно не согласиться с мнением А. Мишарина, что по-настоящему большой, принципиальной пьесы о современности у нас нет.

КИЕВ